

СИРЕНЬ ЦВЕТЕТ

1949-й год. Мне три с половиной. После перенесенного полиомиелита в очередной раз меня отправляли в Крым, в Евпаторию, лечиться на долгие шесть месяцев. Накануне отъезда мои бабушки обязательно возили меня на Даниловское кладбище, где похоронены предки.

В этот раз меня повезла младшая из бабушек — Атя (Клавдия). Поехали, как всегда, на неторопливом трамвае.

Добравшись, мы отошли метров десять от главной аллеи вправо — к нашей могиле. Всего месяц назад, на Пасху, мы были здесь. С помощью бабушек я тогда посадил кустик сирени с набухшими почками; полил его и надеялся, что застану его благоуханное цветение.

То, что мы увидели, огорчило и расстроило. Бывший зелёный кустик не только не цвел, а стоял без единого листика совершенно сухой.

На соседнем участке, судя по холмику свежеперерытой земли, было сделано новое захоронение. А наш участок уменьшили, перенесли оградку и вколотив её как раз там, где должны быть корни сирени. Я не сдержался и заревел, словно девчонка. Бабушка стала жалеть меня, поглаживая по ёжику волос и приговаривая:

— Не плачь, Борюшка. Отживётся кустик, дай только время.

Вдруг чья-то большая тень покрыла половину нашего участка — рядом с открытой калиткой стоял высокий священник.

— Почему плачет? Что за горе? — густым голосом обратился он к бабушке. Атя всё объяснила, добавив о моём скором отъезде.

— Ты в Бога веришь? Молитвы знаешь? — спросил поп.

Бабушка сказала, что меня она обучила «Отче наш» и «Богородица, Дево, радуйся!».

— Где живёте?

— На Пятницкой, батюшка.

— Поезжайте домой. Перед сном пусть мальчик трижды «Отче наш» прочтёт. И завтра утром тоже. А я здесь молитву сотворю, полью, обихожу сиреньку; в храме свечу поставлю — уверен, с помощью Господа воспрянет кустик... Ведь нет ничего дороже слёз ребенка. Через неделю заходите, а пока молитесь, молитесь с усердием, — напутствовал нас преподобный.

Мы всё выполнили, как велел поп. Только бабушка долго не выдержала, а отправилась на кладбище через день.

Вернулась она довольно быстро, была возбуждённая, но очень радостная. Запершись, о чём-то долго шепталась со старшей сестрой — бабушкой Зиной.

Когда ближе к ночи со службы пришёл отец, они обе стали рассказывать ему о каком-то Чуде Господнем. Оказалось, что бабушка, приехав на кладбище и придя на могилку, обнаружила нашу сирень всю в цвету!

Отец внимательно слушал, а потом хлопнул ладонью по столу и как приказал:

— Зина, утомони младшую! Ты же понимаешь, какие времена, за религиозную пропаганду да при моих полковничьих погонах по головке не погладят. Да и нет здесь никакого чуда — вероятно, батюшка полил цветок хорошенько, вот он и распустился.

Утром обе бабушки вместе со мной отправились на кладбище.

Маленький кустик утопал в цвету. Моему счастью не было предела! Мы хотели поблагодарить батюшку, но не нашли его. А церковный сторож рассказал, что преподобный отец коленопреклонённо молился после нашего ухода и наказал ему и старосте тоже просить Всевышнего обрадовать больного ребёнка цветением любимого растения. И всего через сутки, как мы знаем, это и произошло: в засохшем дереве жизнь проснулась. Значит, услышал Господь молитвы. Сотворил пусть малое, но Чудо!

СОБАКА КЛАДБИЩЕНСКОГО СТОРОЖА

Старик Фёдор служил сторожем на кладбище почти семь лет. После того как похоронил сына, скоропостижно скончавшегося в «проклятые девяностые» (тогда бригада «скорой» тащилась от Боткинской больницы до метро «Полежаевская», где они жили, почти полтора часа), он запил как никогда в жизни. Пил до двух бутылок водки в день. А она «не брала» — не пьянел он и только слёзы утирал. Всё задумывался: «Если ему тяжело, то как же плохо его ненаглядной Женечке, которая любила сына больше жизни. Дениску девятнадцать часов под капельницей рожала».

Как же он обматерил доктора, выйдя в мрачный коридор подъезда, после того как тот заявил им:

— Мы могли бы спасти вашего сына, если приехали хотя бы на полчаса раньше. Но знаете — то да сё — суета какая-то, дороги, пробки, а у нас и сирена не работает, — мямлил врач, переминаясь с ноги на ногу, а в конце заискивающе добавил: — Вы бы хоть по стольничку санитару и мне за приезд пожертвовали — мы тогда и сына Вашего помянём как положено.

Он и не выдержал, заорал:

— Ты что, придурок? Не понимаешь, что этого говорить нельзя при матери над телом ребёнка, что ещё два часа назад зарядку у нас на глазах делал? Ну, может, у меня кожа бегемота, но она же МАТЬ – МА-А-АТЬ! У неё сейчас сердце от боли обнажено. Неужели не понимаешь, му...к!!

Через три дня состоялись похороны. И... понеслось — месяц без просыху. Потом, в один день, утром отправили в больницу мать, а вечером, после сердечного приступа, положил Женю. Вернувшись домой, вспомнил их разом осунувшиеся, заплаканные лица. Потянулся за бутылкой — и вдруг словно током ударило, подумал: «Кто ухаживать будет, если пить продолжу?» Вылил только початую бутылку в раковину. Сел и зарыдал, завывая. От неудач, от бессилия, от боли за сына, о котором не забывал ни на секунду, от горя из-за своих женщин. Только коты немного успокоили — Прохор, втираясь в ноги, а Тимофей, урча, прыгнул на колени... Ночь не спал — обнимал пустоту и раз шесть бегал заваривать кофе.

После выписки из больниц матери и жены особо легче не стало. Матери шёл всё-таки семьдесят седьмой год и требовался постоянный уход. Евгеша могла сутками лежать перед телевизором, и неизвестно, что творилось у неё в голове.

Он готовил, стирал, убирал в квартире, носил еду матери в соседний подъезд и всё говорил:

— Женя, нам бы только достойно дожить. Может, начнёшь рисовать, художница? Хоть какую-нибудь халтуру рекламную пощешь? А то так потихоньку и с ума сойти можно.

Он ещё успевал и подрабатывать — кормить-то остатки семьи надо.

Через два года тихо, во сне, ушла мама (он надеялся, что Бог определит ей уголок в райских кущах).

Евгения неожиданно преподнесла сюрприз. Однажды, когда он вернулся домой, «отбомбив» на старых «Жигулях» всю ночь, удивился чистоте и давно забытому аромату свежееиспечённых пирогов. В кухне за накрытым столом, уставленном закусками, среди которых стояли ещё и бутылки — коньяк «Белый аист» и «Каберне», сидела принаряженная жена:

— Радуйся. Пошла работать.

— Куда? Кем? И это откуда? — показал он на стол.

— Сторожихой в торговую медицинскую компанию. Двое через трое. А это на аванс, который выпросила. Хватит тебе одному пахать.

— Что же, поздравляю. Женюр, подскажи, тебе мои блокноты и записки не попадались?

— А зачем тебе?

— Да кое-какие мысли, фразы «на ум пришли», услышал разговоры любопытные — вот и хотел записать, чтобы не затерялись.

— Хватит бумагу переводить — не Шекспир, не Булгаков, — довольно жёстко ответила Женя, — я и свои рисунки, холсты и краски тоже на помойку выкинула или в унитаз спустила — до Серебряковой так и не доросла.

— Что ты наделала — это же архив, вся наша жизнь!

— Наша жизнь кончена: сына нет. И жизни нет.

Разошлись, по уже сложившейся привычке: он спать на продавленный диван в маленькую комнату, она — в спальню.

Они становились всё более далёкими друг от друга; всё более одинокими.

Особенно это чувство стало острым после того, как на второй день дачного сезона погибли коты от зубов стаи бездомных одичавших собак. В Москву вернулись сразу. И опять он ежедневно стоял у плиты, а в дни дежурства жены возил ей в кастрюльках обеды и ужины.

Но неожиданно Евгеша стала более мягкой и в разговорах, и по поступкам. Он ломал голову. «С чего бы? Может, кто появился — хоть и за пятьдесят, а женской красоты не растеряла!» — с горькой ревностью думал он, стараясь не показывать обиды.

Всё разрешилось скоро и безболезненно.

Приехав в очередной раз к Жене на дежурство, он увидел рядом со сторожкой новое сооружение — огромную собачью будку, на крыше которой, вальяжно свесив лапы, раскинулась огромная лохматая псина. Увидев незнакомца, она открыла клыкастую пасть и глухо заворчала, явно намереваясь соскочить с конуры.

Но только гроыхнула толстая цепь, как из сторожки выглянула Евгения и строго сказала:

— Жуля — не шали! Это свой. Федя, проходи — не тронет! — и направилась к нему навстречу.

Когда же они с женой поцеловались, то собака и вовсе стала добродушно повиливать хвостом, стоя возле их ног, но при этом не сводя настороженных глаз с Фёдора. Это была крупная кавказская овчарка. Женечка села обедать, не забыв плеснуть пару ложек супа Джулии, которая смахнула их одним глотком; потом собака получила полтора стакана компота и пару кусков сахара. Наконец Женя поела сама и, подозвав лохматую напарницу, стала её расчёсывать большим гребнем с редкими зубцами, время от времени отвлекаясь, чтобы почесать собаке за ухом.

Идиллическая сценка была прервана скрипом калитки в заборе, что огораживал охраняемую территорию. Сначала в приоткрывшийся проём просунулась рука с большим пластиковым пакетом, потом показалось напряженное лицо и наконец осторожно протиснулся весь черноволосый человек небольшого роста.

— Я собака кость принёс, — только и успел сказать он, а Джулия уже заходила в злобном лае и даже так дернула лобастой головой, что слегка сдвинула тяжеленную конуру с места.

— Это Яша-таджик, помощник хозяйственника, — пояснила Евгения и обратилась к черноволосому: — Проходи.

— Нет, твоя шайтан сгрызёт, — испуганно пробормотал работяга, махнул кулаком в сторону ощерившейся Джулии и, оставив на земле пакет с костями, быстро скрылся, плотно прикрыв калитку.

— Как ты-то с ней управляешься? Не боишься? Вдруг цапнет ненароком?

— У нас с первого дня полное взаимопонимание. Говорят, что в других сменах она даже старается меньше со сторожами общаться — многих просто не подпускает, хотя они и кормят её, и ласковы, но вот поди — загадка! Без меня скучает, а как увидит, когда на смену прихожу, — сразу во весь рост и лапами на плечи, еле удерживаю. И надо, чтобы я постоянно в поле её зрения была. Ну, Жулечка, ложись, отдохни, парикмахерский час окончен, — ласково произнесла Евгения, и грозная махина послушно устроилась возле ног жены.

— Дай лапу, Жуля, друзьями будем, коли ты так беззаветно Женечку мою любишь, — сказал Фёдор и достал из кармана горсть леденцов и несколько сушек с маком.

Собака добродушно вильнула хвостом, но с совершенным равнодушием отвернулась от угощения.

Только когда Женя сказала:

— Можно, Федя свой, свой, — умная псина обнюхала Федину руку, лизнула и очень ловко смахнула всё с ладони.

...Прошло несколько лет. Фёдор устроился сменщиком жены. Джулия делила свою привязанность между ними, но больше всё-таки тянулась к Евгении. Несколько раз они вывозили собаку за город; постоянно брали на кладбище, когда навещали сына.

Несчастье, как всегда, обрушилось неожиданно: скоротечный рак «съел» Евгешу за месяц. После похорон и поминок отправился на работу. Ещё на подходе услышал громкое завывание. Ему сказали, что так Джулия воет уже четвёртые сутки. Очень недоволен был хозяин фирмы. Он вызвал Фёдора и заявил:

— Собаку надо усыпить.

— Нашёл другую работу: буду сторожем на кладбище. Джулю возьму с собой, — ответил Фёдор и ушёл, не попрощавшись.

Во дворе он присел на скамью рядом с собачьей конурой всё так же воющей Жульки, в глазах которой стояли крупные слёзы. Обнял псину и сказал:

— Теперь мы с тобой совсем сиротами стали...

Джулия, словно вникнув в услышанное, перестала горестно выть, потянулась к Фёдору мордой и стала лизать руки и лицо, стараясь утешить.

Вскоре Фёдор на коротком куске цепи привёл собаку на кладбище, где действительно договорился о работе сторожа-охранника. Он не отказывался ни от какой работы: убирался, чистил дорожки, помогал могильщикам, а если кто-либо из тех, кто хоронил, предлагал ему спиртное — нёс в администрацию или отдавал землекопам. И каждый день тщательно мыл и чистил большое гранитное надгробие Дениса и Жени. Джулия как привязанная была всегда у его ног. Вместе они открывали и закрывали за запоздавшими посетителями чугунные кладбищенские ворота.

Джулия терпеть не могла пьяных — она шла на них, пока не изгоняла за охраняемую территорию. Уразумев, что его собака не переносит запаха спиртного, Фёдор всегда отказывался быть собутыльником среди землекопов. Но удивительное дело — два раза в году Джулия терпеливо и покорно, сидя возле могилы Дениса и Евгеша, только слегка подвывала, когда он пропускал рюмку, поминая своих.

— Вот так, хотя ты и собака, а душа у тебя есть, — рассуждал он вслух. И часто, глубоко вздохнув, горестно продолжал: — Пропадешь ты без меня, пожалуй, надо мне тебя обязательно пережить.

Готовиться начал загодя. Сначала позаботился о собаке. Перво-наперво попросил отца Геннадия из местного храма сказать о Джулии добрые слова при захоронении.

Священник возмутился:

— Ты что, Фёдор — ополоумел? Слышанное ли дело — псину отпевать. Не положено.

— Кем не положено? — возмутился Фёдор. — Господом? Неправда — нет такой заповеди. У каждой твари, что Бог создал,

душа есть. А что Жульки касаются — так особенно. Она по-настоящему любить всю жизнь умела — всей душой, — подчеркнул он.

— Ну ладно, ладно, — заворчал Геннадий. — Узнает кто — в приход сообщат; попадёт мне крепко.

— Да ты не отпевай, кадиллом не махай — ты её добрым словом помяни только вслух.

— Уговорил. Не забудь — на храм пожертвуй и свечек у Акимушки-убогого купи; он же кормится с этого.

— Да всё будет путём, не волнуйся, Гена. Я и проставлюсь всем, кто в церкви.

Потом Фёдор попросил мужиков из гранитной мастерской сделать небольшую скульптуру сидящей собаки, похожей на Джулию. Ребята его уважали, отнеслись серьёзно — сделали сначала фото, затем изобразили в глине. Но сидящей она Фёдору не понравилась.

— Какая-то неуклюжая получилась и влево заваливается, — пояснил он.

Вот когда изобразили лежащую (морда на лапах), поблагодарил и одобрил сразу (ещё подумал: «Смотрится — как в жизни последнее время: всё лежит»).

Наконец договорился с Никитой из колумбария о кремации.

Расплатился со всеми щедро — по два ящика разного спиртного, что скопилось с похорон от провожающих в последний путь.

Решив заняться своим уходом «на суд Божий», сделал первую важную покупку — белые тапочки. Долго составлял список, кого известить о его кончине. Съездил домой, где не был долгое время. Собрал чемодан со «смертным»: блейзер, белая рубашка («от Кардена» — ещё Женя покупала), дорогие чёрные «бостоновые» брюки; долго думал насчёт галстука, но потом решил, что перед святым Петром можно предстать и одетым попроще; главное — чтобы всё было чисто, опрятно, красиво; бросил ещё пару «Саламандры» и, на всякий случай, — белые кроссовки. Сюда же положил и своё фото с запиской, чтобы именно с него сделали керамическую вставку на надгробный камень.

Встретился со знакомым нотариусом и вместе с ним скрупулёзно составил завещание, назначил душеприказчиков.

Так, в хлопотах, прошло около двух месяцев. Всё вспоминал последние дни жизни преданной собаки...

Джулия почти перестала есть. На шерсти у неё появились колтуны, которые Фёдор никак не мог расчесать.

Однажды пасмурным днём в конце октября Жулька, пошатываясь, встала, вышла из сторожки и медленно побрела в сторону от центральной дороги кладбища. Фёдор не пошёл за ней, подумал: «Ну, пусть разомнётся, а то совсем залежалась, чего доброго — лапы отнимутся». Встревожился он только через несколько часов, но спохватился поздно.

В пять вечера к нему заглянул один из могильщиков. Он и сообщил горестную весть, что Джулю обнаружили за одним из старых мраморных памятников уже бездыханной.

— Её бы сюда надо, — попросил Фёдор.

— Где у тебя тачка для мусора? Давай, сейчас и привезём, — сказал землекоп.

— Что? Джулию — и в мусорной тачке? Никогда! — гневно воспротивился Фёдор. — Хочешь помочь — бери носилки и пойдём.

Ночь он провёл у себя в сторожке рядом с мёртвой собакой. Рано утром завернул Джулию в шерстяное одеяло и отвёз в крематорий. Через три дня выкопал в самом уголке цветника в ногах могилы Дениса и Жени невеликую ямку и опустил туда керамическую урну с прахом Джулии. Рядом с ним был отец Геннадий, который, как и обещал, во всеулышание заявил о том, что земле предаётся прах собаки, которая была бесконечно предана Фёдору и его Евгении, служила им верно и любила всей собачьей душой; обратясь к небесам, он попросил найти для верного животного уголок в раю. Постояли несколько минут молча. Потом Фёдор сказал:

— Я своё обещание выполнил — тебя не оставил. Похоронил. Если Господь смилостивится — увидимся в другой жизни.

Фёдор умер этой же ночью от сердечной недостаточности. Последнее, что он видел в угасающем сознании, — была его красавица Евгения, рядом с которой шла могучая Джуля.